

Отражение некоторых особенностей построения заговорной картины мира в структурной организации текста (на материале литовских заговоров)

Мария Завьялова

By employing discourse analysis, the author investigates world images as they are expressed in invocations with Lithuanians, and concludes that these invocations have much in common with primeval magic thinking.

Заговоры, как один фольклорных жанров, связанных с миром магии, не могут не заинтересовать исследователя, стремящегося постичь загадки архаичного мышления человека. Несомненно, общие принципы, на которых основана структура заговоров, имеют много общего с особенностями первобытного мифологического мышления. Одной из таких особенностей, например, является требование конкретизации в обозначении предметов, отраженное в языках туземцев, и четкой “инвентаризации” и упорядочивания предметов. Как отмечает К. Леви-Строс, “требование порядка лежит в основании мышления, называемого первобытным,... при нарушении, хотя бы даже мысленном, этого оказался бы разрушенным весь мировой порядок; следовательно, вещь, занимая принадлежащее ей место, способствует поддержанию его.” (Леви-Строс, 121) Стремление к поддержанию некой иерархии и упорядоченности мы видим и в заговорах, такое “расставление всего по местам” служит восстановлению мирового порядка, что необходимо для другого принципа мифологического мышления - принципа партиципации. В. Н. Топоров, описывая суть этого принципа, подчеркивает, что он подразумевает “особую связанность, зависимость или даже тождество между макрокосмом и микрокосмом, природой и человеком, где человек как таковой - один из крайних ипостасных элементов космологической схемы.” (МНМ, I, 450) Поскольку цель заговора, как правило, - восстановить утраченное равновесие в системе - необходимым условием этого является приведение в порядок всех элементов мироздания. Вытекающий из этого положения принцип тождества и подобия является инструментом, с помощью которого достигается цель в заговоре - через систему всеохватывающих связей все может быть связано со всем, предполагая динамическую систему преобразований и изменений состояния.

Вышеописанные принципы сходны с особенностями человеческого мышления вообще. Сравнение, то есть утверждение подобия или тождества элементов, в заговоре реализуется на основе выделения общего признака. Этот

признак может быть минимально уловимым с первого взгляда, но достаточным для объединения элементов в один класс. Вспомним, как ребенок в процессе познания мира начинает называть одним и тем же словом разные объекты, объединенные всего одним признаком, например, все предметы, отличающиеся продолговатой формой или все, что движется или издает похожий звук. Тот же принцип положен в основу при построении родовой системы в языках примитивных народов (например, род круглых предметов и т.п.). Вышеуказанное стремление к конкретизации отмечается и у детей: ребенок не сразу учится абстрактным наименованиям, в начале каждому новому предмету он старается подобрать свое обозначение. То же мы отмечаем и в заговорах - длинные списки разнообразных названий болезней или природных объектов с целью максимальной детализации и конкретизации предметов или явлений, чтобы упомянуть каждую разновидность.

Таким образом, можно выделить некоторые универсальные принципы построения заговорных текстов, обусловленные механизмами первобытного, магического и человеческого мышления вообще. Эти закономерности нетрудно проследить на уровне развертывания сюжета, однако не менее интересно их проявление на уровне структурной организации текста: в синтаксисе, морфологии, словообразовании и фонетике.

Итак, основной принципиальной особенностью заговорного текста является, как уже отмечалось, стремление к воссозданию единства мира, к целостной и замкнутой структуре. Этой цели служат всевозможные повторы, как на уровне сверхфразового единства, так и в пределах отдельной синтагмы или отдельной лексемы.

Часто повторы реализуются в виде парных синтаксических конструкций, создающих эффект завершенности. В одном предложении может повторяться грамматическое оформление предиката, например, или одинаковые формулы с разным смысловым наполнением: *Šventa Apolonija dantų neturėjo, jai per kančias visi subirėjo. Per jos kančias dzidžiausias, per josios ašeras švenciausias, Dzievo leidzimu, mano liepimu tegul šitoj drusketė, Apolonijos vardu užkalbėta, N dantų skoumtų numarina. Amen. Amen.* 'Святая Аполония зубов не имела, у нее из-за мук все высыпались. Через ее огромные муки, через ее святые слезы, с позволения Бога, по моему повелению пусть эта соль, именем Аполонии заговоренная, прекратит боль зубов' (*Krėvė-Mickėvičius, p. 506, N XII*); *Saulė saulė, mėnuo mėnesiu, žemė žeme, upė upe! Nueik tu, gvyate, skradu žeme!* 'Солнце солнце, месяц месяцем, земля землей, река рекой! Иди ты, змея, сквозь землю!' (*LT, p. 895, N 9283*). К парности стремятся и номинации, образующие иногда словообразовательные инновации: *Čiužu čiužute, šlamu šlamute: kam pasmaugei mano dukterį ir padėjai po akmeniui kaip sūrį?...* (*LT, p. 896, N 9289*).

Повторы одного и того же предиката могут служить главной осью структуры заговоров, например: *Ažužadu nuo kirmėlės baltam arkliui. Nekenčia tavęs saulė, nekenčia tavęs mėnuo, nekenčia tavęs žvaigždės, nekenčia tavęs dangus, nekenčia tavęs pati, nekenčia tavęs vyras, nekenčia tavęs vaikai, nekenčia tavęs visa pamilija, ir aš tavęs nekenčiu. Amen, amen, amen.* 'Заговариваю от червя белого коня. Ненавидит тебя солнце, ненавидит тебя месяц, ненавидят тебя звезды, ненавидит тебя небо, ненавидит тебя жена, ненавидит тебя муж, ненавидят тебя дети, ненавидит тебя вся семья, и я тебя ненавижу. Аминь, аминь, аминь.' (*Mansikka, p. 77, N 59*); *Aukseli, sidabreli, eik namulio gulti. Saulė eina, mėnas eina, niekam blėdos nedaro, - eik namulio gulcie, eik namulio gulcie,*

eik namulio gulcie. Amen, amen, amen. ‘*Золотушка, *серебрушка, иди домой спать. Солнце идет, месяц идет, никому вреда не причиняют, - иди домой спать, иди домой спать, иди домой спать.’ (Mansikka, p. 79, N 66); *Švinta Marija, pristok Plaukė ilgauodegė par mares Svinta Marija nemėga Juodas plaukas nemėga Mano vardas nemėga* ‘Святая Мария, прибудь, Плыла длиннохвостая по морю Святая Мария не спит Черный волос не спит Мое имя не спит’ (LTR 3863). Благодаря повтору предиката объекты в этих примерах словно “приводятся к одному знаменателю”, организуют некую упорядоченную парадигму, что позволяет эффективнее противостоять хаосу на другом полюсе. По-видимому, таким образом можно и противоположный персонаж привести в соответствие со всеобщим равновесием.

Действенность повторов может усиливаться также их количеством, выше уже говорилось о парности, однако не всегда значимо именно число 2. Практически все заговоры требуется повторять 3 или 3x9 раз. Однако в перечислениях преобладают четные числа: *Ak tu, gyvate, gyvate, nekąsk keltuvos nei žmogaus. Nepriims tavęs dievas, nepriims tavęs saulė, nepriims tavęs mėnuo, nepriims tavęs žvaigždės. Neprisiglausi tu nei ant samanų, nei po samanom, nei ant krūmo, nei po krūmu. Tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate, tu gyvate* ‘Ах ты, змея, змея, не кусай ни животных, ни человека. Не примет тебя Бог, не примет тебя солнце, не примет тебя месяц, не примут тебя звезды. Не спрячешься ты ни на мху, ни под мхом, ни на кусте, ни под кустом. Ты змея... (9 раз).’ (LTR 3858 (442)). Перед нами следующая схема повторов: 2 - 2 - 4 - 4 (2x2) - 9. По-видимому, это объясняется тем, что четное число осознается как законченная, замкнутая структура, оно эффективно, когда требуется описать статичную данность, защищенную от проникновения. Тогда как нечетное число (в данном случае - 9) всегда направленно, символизирует динамику, удар, переход на следующий этап. Подобный пример мы видим в еще одном заговоре от змеи: *Urvine, negadink žmonių! Tegul tavo galybę atima keturi vėjai: šiaurinis, pietinis, vakarinis ir rytinis. Tegul tavo galybę atima Mozės lazda (su kuria iš akmens padarė vandenį). Kaip išdžiovino jūrą, tegul tavo galybę atima. Saulė tegul tave nešviečia, mėnuo tegul tave nešviečia. Tegul iškeikia tave dangus, iškeikia žemė, iškeikia tave vanduo, iškeikia ugnis, tegul iškeikia tave visi šventieji ir Švenčiausia Motina* ‘Пещерная, не порть людей! Пусть твою силу отнимут четыре ветра: северный, южный, западный и восточный. Пусть твою силу отнимет палка Моисея (которой из камня сделал воду). Как высушил море, пусть твою силу отнимет. Солнце пусть тебе не светит, месяц пусть тебе не светит. Пусть проклянет тебя небо, проклянет земля, проклянет тебя вода, проклянет огонь, пусть проклянут тебя все святые и Пресвятая Мария.’ (Elisonas. Ropliai, p. 102, N XLVII). Схема такова: 1 - 4 - 3 (отнимет) - 2 - 5 +1. На этом примере видно, что пассивных объектов (ветры, солнце, месяц) четное число, однако активных действий (отнимет, проклянет) - нечетное. Объекты природы в данном случае как бы образуют магический круг, а действие - выход за пределы круга, вторжение или изъятие.

Повторы и аналогичные конструкции могут касаться не только одного и того же предиката, параллелизм может создаваться и повторением разных предикатов в одной форме, например, в простом прошедшем времени, как в данном заговоре: *Ponas Jėzus ir šv. Petras ėjo per žalias ganyklas. Ten sutiko žaltį. Gyvatė gulėjo, Pono Dievo angelas kalbėjo, motina Švenčiausia Marija prisiekė, kol nuodai išėjo. Vardan Dievo ir t. t.* ‘Господь Иисус и св. Петр шли через зеленые пастбища. Там встретили ужа. Змея

лежала, ангел Господа Бога говорил, мать Пресвятая Мария присягала, пока яды вышли' (Balys, p.58, N 393); или повторением однотипных конструкций с предикатом в презенсе: *Griaudžia griausmas, žaibai žaibuoja, krenta rūdys, žaidai byra, di-evo žodžio niekas negal pergalēt. Nereikia nieko bijot - nei akių kokių, nei kokių padėjų - nei pilkų, nei juodų, nei mėlynų, nei rudų* 'Гремит гром, молнии сверкают, падает ржавчина, печи сыпятся, божье слово никто не может преодолеть. Не надо ничего бояться - ни каких-то глаз, ни каких-то дел - ни серых, ни черных, ни синих, ни карих' (Mansikka, p. 103, N 181). В последнем заговоре помимо перечислений важно также повторение основ: 'гром' и 'гремит' (*griaudžia griausmas*); 'молнии' и 'сверкают' (*žaibai žaibuoja*) образованы от одного корня.

Среди многочисленных тавтологических повторений, таких, как парные сочетания одинаковых или различных форм слова: *Saule sukas-sukas, atsako žemė sukas-sukas, atsako mėnuo sukas-sukas dunti suka-suka*. 'Солнце вертится-вертится, отказывается, земля вертится-вертится, отказывается, месяц вертится-вертится, зуб нарывает-нарывает (=вертит)' (LTR 3641(429)); *Suku suku, ratu ratu...* 'Кручу-кручу, кругом-кругом...' (Balys, p. 72, N 478); *Saule saulė, mėnuo mėnesiu, žemė žeme, upė upė!*... 'Солнце солнце, месяц месяцем, земля землей, река рекой!' (LT, p. 895, N 9283); встречаются и сочетания с разными суффиксами, а также разнообразные словообразовательные инновации: *Liga, ligela, korva karvala...* 'Болезнь, болезнюшка, корова коровушка...' (*Elisonas. Gyvatė, N6, p. 169*); *Žeme, žemela*. 'Земля землица' (Mansikka, p. 81, N 79); *Čiužu čiužute, šlamu šlamute...* 'Шелесте-шелестелка, шурша-шуршалка...' (LT, p. 896, N 9289). В последнем примере названия змеи образованы от соответствующих глаголов с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -ut-, являющегося в литовских заговорах одним из самых продуктивных, который образует существительные не только от глаголов, но и от существительных и прилагательных: *Žibutė, lakštutė, saldutė, medutė...* 'Блестка (от *žibėti* 'блестеть', *žibus* 'блестящий'), соловушка, *сладушка (от *saldus* 'сладкий', *медушка (от *medus* 'мед'))' (LTR 4813(10)); *Šemutė, gerutė, margutė...* '*Пепелушка (от *šemas* 'пепельный'), *добрушка (от *geras* 'хороший, добрый'), пеструшка (от *margas* 'пестрый')' (*Elisonas. Ropliai, p. 96, N VIII*); *Auksute sidabrute...* '*Золотушка (от *auksas* 'золото'), *серебрушка (от *sidabras* 'серебро')' (LT, N9265, p. 892); *Spindutė, sauliuotė...* '*Сверкушка (от *spindėti* 'сверкать', *spindus* 'сверкающий'), солнышко' (LTR 5497 (241)). Повторение одного суффикса, оформляющего разные основы, также является следствием упомянутого приема - повторение однотипного набора фонем создает дополнительную нить, объединяющую повествование, создает как бы параллельные дополнительные смыслы.

В подобной роли часто выступают и другие уменьшительно-ласкательные суффиксы -al-, -el/-ėl-, -ul-, например: *Sauliula, mėnasėli, šviesyja aušrela, gražyja švenčiausia Panela, atimk man šitų sopulį*. 'Солнышко, месяцочек, светлая зорька, прекрасная пресвятая Дева, забери у меня эту боль' (*Stukenaitė-Decikienė, p. 125, N 9*); *Čystas vandenėlis, Čystas akmenėlis, Kad mano būt čystas kūnelis*. 'Чистая водичка, чистый камешек, чтоб мое было чистое тельце' (LKAG 1320); *Ajo Panele Švenčiausia per lonkelius, pataikė kojali in akmenėlį, numušė mažų pirštelį, aptaškė akmenėlį kroujaliu...* 'Шла Пресвятая Дева по лужочкам, попала ножкой на камешек, ушибла маленький пальчик, обрызгала камешек кровушкой' (*Krevė-Mickevičius, p. 504, N I*); *Ėda riemu, riemenėlis, Kaip vilkas avelę Kaip ožka žolelę Kaip žuvis žuvele*. 'Ест меня изжога,

изжогушка, как волк овечку, как коза травку, как рыба рыбку' (LTR 5678 (296)). Такое ласкательное обращение к болезни, конечно, ставит целью задобрить ее, уговорить отступить, смягчить ее действие. Возможно, такое изображение объектов в "уменьшенном" виде также должно по аналогии уменьшить проявления болезни. Интересно, что рядом с ласковым обращением к болезни могут присутствовать и ругательства: *Eda mane rēmenelis, penkių metų piemenelis, ėsk padla šūdą ne mane*. 'Ест меня изжогушка, пятилетний пастушок, ешь, падла, г..., не меня' (LTR 5074 (101)).

Кроме своей прямой функции, приведенные суффиксы еще и образуют рифму, особым образом организуя и упорядочивая текст. Отмеченные одинаковыми суффиксами слова являются ключевыми, сюжетообразующими, привлекают к себе внимание. Часто в той же роли выступают одинаковые глаголы с разными префиксами, например: *Vienų išsižadų, Kitų prisžadų...* 'Одних отзываю, других призываю' (LTR 3863 (88)); *Vienas padyvija, trys atadyvija...* 'Один завидует, три *отвидуют' (Mansikka, p. 104, N 183); *Viena asaba išžengia, tegul tris inžengia...* 'Одна особа выступает, пусть три вступают' (LTR 6166 (109)). Префиксы, оформляющие глаголы в приведенных примерах, играют решающую роль в этих заговорах - именно на противопоставлении значений этих префиксов строится смысл (*iš-* 'из'/*pr-* 'при'; *pa-* 'по'/*at(a)-* 'от'; *iš-* 'из'/*in-* 'в'). Глагольные префиксы могут повторяться с разными основами в одном заговоре, образуя линию дополнительного значения, которая играет объединяющую роль, например: *...kad Dievas duotų, šitie atabuli treji devyneri mazgeliai pertrauktų sopulį ir permaintytų kad nesopėtų*. '... чтоб Бог дал, эти обратные тридевять узлов перервали боль и переменили, чтобы не болело' (Mansikka, p. 102, N 176); *Saldzyja bitela, šviesyja žvaigždela, atprašau, atmeldžiu aš tavi, atmaldau, juodo plauko, juodo plaukelio nekliudyk*. 'Сладкая пчелка, светлая звездочка, упрашиваю, умаливаю я тебя, умоляю, черного волоса, черного волоска не трогай' (Mansikka, p. 76, N 55).

Те же тенденции прослеживаются и на фонетическом уровне: замечено, что во всех заговорах заклинательного типа используется один принцип - повторение определенных звуков или сочетаний звуков в разной последовательности - чаще прямом и обратном порядке. Подобный принцип используют и полнозначные заговоры, содержащие анаграммы и игру слов. Например: *Pele, pele, te tau liepa, duok man kaulą*. 'Мышь, мышь, вот тебе липа, дай мне кость' (от зубной боли) (Balys, p. 67, N 445) - повторяется сочетание *pel* в обратном порядке - *lep*; *Nugaruoi' tu, negare, akivaron*. 'Испарись ты, не пар, в топь' (от лишая) (Cicėnas, p. 23, N 298) - повторяются звуки *n - g - r*, *n - g - r*, *k - r - n*, то есть два раза в одном порядке, потом - в обратном; *Grauž gryžį, da grauž geriau* 'Грызи грызь, да грызи лучше' (от боли в суставах - грызи) (Mansikka, p. 96, N 148) - последовательность звуков: *g - r - ž*, *g - r - ž*, *g - r - ž*, *g - r*. В первых двух случаях выделенные звуки образуют замкнутый круг, в последнем - при повторении исчезает один звук. Такой же прием постепенного исчезновения, стирания определенных звуков использует заговор от грыжи: *Tu Grižus, as križius, tu bėgsi, aš kąsiu, kai kąsiu, nukąsiu. Am, am, am*. 'Ты Грижус, я крест, ты будешь бежать, я буду кусать, как укушу, откушу. Ам, ам, ам.' (Mansikka, p. 95, N 132) - последовательность звуков: *g - r - ž - s*, *k - r - ž - s*, *g - s*, *k - s*, *k - s*, *k - s*. Звукоподражание, изображающее действие кусания, усиливает впечатление. Подобное звукоподражание, пересекающееся с названием болезни, используется в другом заговоре от грыжи: *Kremč, kremč, kremtu, kremtu.// Kremč kremč kad iškrimstum*.

// *Riš, riš, risu, // Ris, riš, kad išrištum* 'Хрум, хрум, грызу, грызу, Грызи, грызи, чтоб выгрыз, Вяжи, вяжи, вяжу, Вяжи, вяжи, чтоб завязал' (Mansikka, p. 94, N 137). Повторяющиеся в этом заговоре звуки - *k, r, s, š* - напоминают название болезни - *gryžius*.

В одном заговоре от укуса змеи используется тот же прием повтора звуков в словах с разным значением: *Kaip šita žalioji varlė skusta, taip šita juoda karvė kūsta; kaip ši žalioji varlė neskusta, taip ši juoda karvė nekūsta...* 'Как эта зеленая лягушка очищена, так эта черная корова укушена; как эта зеленая лягушка нечищена, так эта черная корова не укушена' (Balys, p.57, N 386). Эффект достигается путем уподобления формы 'укушена' форме 'очищена' (литературная форма *kąsti* 'кусать', то есть фонема [a] заменяется на [ū]). Такие звуковые приемы служат еще и созданию рифмы, что усиливает эффект заговора, так как рифмованная структура обладает законченностью и монолитностью, стихотворная форма защищает текст от преобразований, способствует его сохранению как можно дольше в неизменном виде.

Вероятно, с целью усилить действие, в обычный заговорный текст иногда вставляются рифмованные пары - заклинательные формулы, на первый взгляд, бессмысленные, например: *Šurum-burum-bum, Pradink viena [paskui kitą ir t. t.]* 'Шурум-бурум-бум, сгинь одна [потом другая и т.д.]' (от бородавок) (LTR 4239 (244)); *Sakal makal, deg deg!* 'Сакал макал, гори гори!' (от бородавок) (Balys, p. 66, N 435); *Jūsū vardą aš žinau // Ir ne vienos nebijau // Sangi, rangi, nedaryk man nieko*. 'Ваше имя я знаю, и ни одной не боюсь, Санги, ранги, не делай мне ничего' (от змеи) (LTR 4102 (176)). В последнем примере не случайно наряду с заклинательной формулой упоминаются имена змеи: знать имя, то есть набор звуков, кодирующий сущность, так же важно, как и фонетический ключ в виде заклинания. Это подтверждается аналогичными примерами: *Jūs esat trejos devynerios, vardus aš jūsu žinau: aš jūsu nebijau, Cange Ange, nedaryk(ite) nieko*. 'Вас существует тридевят, имена я ваши знаю: я вас не боюсь, Цанге Анге, не делайте ничего' (Balys, p. 57, N 389); *Aš jūsu nebijau, jūs esate trys devynerios, vardus jūsu ir Cengė žinau* 'Я вас не боюсь, вас существует тридевят, имена ваши и Ценге я знаю' (Balys, p. 56, N 379).

Заговоры заклинательного типа не всегда построены только на фонетическом принципе - они часто состоят и из полнозначных слов, образующих лаконичный, отрывистый текст. Такое требование simultанности, быстроты и стремительности разворачивающегося действия отвечает цели заговора - произвести направленный и сильный удар по намеченному объекту.

Как нельзя лучше этой цели соответствуют краткие тексты, которыми изобилует литовская заговорная традиция. Многие полнозначные тексты в силу своей особой синтаксической конструкции становятся похожими на заклинательные формулы, например: *Džiovinto vėjo, pernykščio sniego, šių metų ledo, rūpužės kraujo* 'Засушенного ветра, прошлогоднего снега, льда этого года, крови жабы' (LTR 4035 (15)); *Kirmėlės nuo bambelės, kirmėlės nuo bambelės*. 'Черви от пупка, черви от пупка' (Mansikka, p. 102, N 174); *Dangus Jezau, saulė Jezau, žeme Jezau, rasa Jezau. Amen Jezau Kristau* 'Небо Иисусе, солнце Иисусе, земля Иисусе, роса Иисусе. Аминь Иисусе Христе' (Mansikka, p. 82, N 82). Ряд существительных создает экспрессию и спрессованность, однако в подобных конструкциях могут быть использованы также глаголы или прилагательные, например: *Pjūvis pjūvj sveikina, trinu trinu - sutrinu, trasu trasu - sutrasu* 'Жнец жнеца приветствует, тру, тру - стираю, трясу, трясу - сотрясаю'

(Balys, p.79, N 506); *Marga, juoda ar mėlyna, čižanina! Raudonamargė, žalamargė, čižanina! Raudonoji, šėmoji, žaloji, čižanina!* ‘Пестрая, черная или синяя, чижанина! Краснопестрая, буропестрая, чижанина! Красная, пепельная, бурая, чижанина!’ (от змеи) (Mansikka, p. 73, N 41); *Žemės žemybė dangaus aukštybė ir kirmėlių piktybė. Padėk Dieve ir visi šventi.* ‘Низость земли, высота неба и злоба червей. Помоги, Боже, и все святые’ (от змеи) (LTR 3393 (131)). Элиминация глагола, как отмечается в статье Т.А. Михайловой (Михайлова, 135), предоставляет слушателю возможность двоякого понимания текста. Можно добавить, что еще и создает эффект динамичности, недаром многие заговоры произносятся скороговоркой (в комментариях отмечается - “произносить на одном дыхании, не переводить дыхание”). Возможно, из-за этого появляются незаконченные синтаксические конструкции, похожие на обрывки фраз, например: *Sustok, gyvate, Pana Marija eina, vyresnė, kaip žalčio galva.* ‘Стой, змея, Дева Мария идет, старше, чем голова ужа’ (Balys, p.57, N388); *Šaltaudege geležineuodege šalta uodiagia ką išlaidei iš savis pasimk kuograičiausei unsavi geluonį atleisk tinimą šytam (gyvuliui) be man nera česo ner kada kvapu tau šaunu* ‘Холодохвостая железнохвостая холодный хвост что выпустила из себя возьми как можно быстрее в себя жало отпусти опухоль этому (животному) так как у меня нет времени некогда духом тебя убиваю’ (LTR 4035(2)); *Žeme žemi miškas mišku visiem valna giventi tik iškadodos nedarik. Jai nori iškada darit išeik iš čia* ‘Земля землю лес лесом всем можно жить только зла не делай. Если хочешь зло делать выйди отсюда’ (LTR 4035 (3)). Последние заговоры представлены так, как были зафиксированы в источнике. Отсутствие знаков препинания, должно быть, отражает отсутствие интонации и скорость, с которой заговоры произносились.

Подобная недосказанность, отрывистость проявляется и в текстах с кажущейся на первый взгляд законченной структурой, например: *Vardan Dievo Tėvo ir t.t. Kas prie to žmogaus, akmenio, šunies ar medžio primušo. 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Saule, žemė, dangus, žvaigždės. Dieve Tėve ir Dvasia Šventa, padėk man tą žmogų pagelbėt ir duok skausmus nuo jo atimti. Mano Jėzus ėjo į jūrą, į savo laivą. Jis turėjo tris rožes rankoje: ligą įmetė į jūrą, sveikatą paturėjo rankoje pas mane. Marija, Morta, padėkit man tą žmogų pagelbėti ir skausmus nuo jo atimti. Amen* ‘Во имя Бога Отца и т.д. Кто к этому человеку, камню, собаке или дереву прибился. 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Солнце, земля, небо, звезды. Бог Отец и Дух Святой, помоги мне этого человека спасти и дай боли у него отнять. Мой Иисус шел на море, на свой корабль. У него было три розы в руке: болезнь бросил в море, здоровье держал в руке у меня. Мария, Морта, помогите мне этого человека спасти и боли у него отнять. Аминь’ (Balys, p. 81, N 524). Если бы не повторялись формулы просьбы в четвертом и седьмом предложениях, можно было бы подумать, что эти фразы ничем не связаны. Бросается в глаза контраст между краткими, заклинательными по форме обращениями к природным объектам и вполне развернутые фразы с обращениями к божественным персонажам. Ср. еще один заговор: *Saulė ant dangaus, akmuo ant marių. Šventas Jonas skausmo negali pernešti. Ėjo Jėzus per lauką, rado tris rožes. Viena pražydo, antra suvyto, trečia išnyko. Išnyk, išnyk ir tu, skausmas, ir švento Jono* ‘Солнце на небе, камень на море. Святой Иоанн боли не может перенести. Шел Иисус через поле, нашел три розы. Одна зацвела, другая завяла, третья пропала. Пропади, пропади и ты, боль, и святого Иоанна’ (LTR 4609 (90)). Создается впечатление, что разные части текста создавались в разное время или текст был позднее переделан.

Как уже отмечалось, основную смысловую нагрузку в литовских заговорах несут существительные, они же образуют сюжетную линию. Такая особенность придает литовским заговорам статичность, временная структура в них выражена слабо. Создается впечатление, что время как категория не имеет значения. Основные описываемые события происходят в настоящем, но, как правило, это настоящее описывает некоторую абсолютную данность, а не действие, происходящее сейчас, например: *...kai vilkas žalių mėšų ryja i neasiryja, i ja gerklėj kaulas nekliūva, kad tep ite pac itas krislas tava akų neklūūtų.* ‘...как волк свежее мясо глотает и не наглогается, и в его горле кость не застрекает, чтоб так же эта соринка в твоей глаз не попадала’ (TD, p. 181, N 458); *Žaltys Jievai duria gylį iš savo snapo, Jėzus mina su kojom. Amen.* ‘Уж Еве втыкает жало из своего клюва, Иисус мнет ногами’ (Balys, p.58, N 396); *Gyvate kerta, Jėzus kalba, Šventa Marija siekia, šventi angelai stovi.* ‘Змея жалит, Иисус говорит, святая Мария следит, святые ангелы стоят’ (Balys, p.58, N 395).

Ориентированность на настоящий момент отражает основную задачу заговора - произвести действие словом. Этой цели служат прежде всего глаголы-перформативы, которыми обозначаются самые разнообразные действия: кроме глаголов говорения (*kalbu* ‘говорю’, *ažužadu, užkalbu* ‘заговариваю’, *atmaldau* ‘отмаливаю’, *prašau* ‘прошу’, *liepiu* ‘велю’, *insakau* ‘приказываю’, *šaukiu* ‘зову’, *užkeikiu* ‘заклинаю’ и т.п.) много и глаголов активного действия (*siunčiu* ‘посылаю’, *varou* ‘гоню’, *rakinu* ‘запираю’, *sulaikau* ‘задерживаю’, *nugenu* ‘выгоняю’, *ištraukiu* ‘вынимаю’), а также глаголов чувств и знания (*žinau* ‘знаю’, *nekenčiu* ‘ненавижу’, *noriu* ‘хочу’). Например: *Kap šitų raikštelį mazgiu mazgeliais, taip mazgau rišu tavy, NN kraujas, aš tau insakou, iš kūno nebėk, sautės nemacyk, šviesai nesirodzyk. Švento Petro raktu tavi rakinu, Dziewo vardu tavi užkeikiu, sustok.* ‘Как этот шнурок вяжу узлами, так вяжу завязываю тебя, кровь NN, я тебе приказываю, из тела не беги, солнца не видь, свету не показывайся. Ключом святого Петра тебя запираю, именем Бога тебя закливаю, остановись’ (Krivė-Mickevičius, p. 504, N IV); *...Per Panelės švenčiausios skoumtų liepiu tau - sustok, iš gyslų NN nevarvėk.* ‘Через боли Пресвятой Девы велю тебе - остановись, из жил NN не теки’ (Krivė-Mickevičius, p. 504, N I); *Aš visų vardus žinau, nė vienos nebijau: ar juodoji, ar margoji, ar varinė trejos devynerios* ‘Я всех имена знаю, ни одной не боюсь: черная ли, пестрая ли, медная ли, тридевятая’ (Balys, p. 56, N 382). Таким образом заговор не описывает, а реализует действие, разворачивая его в настоящий момент волей заговаривающего.

Для управления действиями других персонажей служит императив, однако ту же функцию часто выполняет и форма будущего времени, имеющего отчасти значение повеления: *...tu neblįsi, tu nebkąsi, nė man pikto nabdarysi...* ‘ты больше не вылезешь, ты больше не укусишь, мне зла больше не причинишь’ (LT, N9269, p. 892); *...Pono Dievo angelas šią ligą perplėš, Perkūnas nuspirs. Išdils, kaip delčios Mėnuo, sudžius, kaip liekno švendrė...* ‘Ангел Господа Бога эту болезнь порвет, Перкунас оттолкнет. Сотрется как старый Месяц, засохнет, как стройный тростник’ (Balys, p. 81, N 526); *...Taip ir šis [čia reikia sakyti “votis” arba “skaudulyš”] neaugš, nekils, netins ir nedidės...* ‘Так и эта (опухоль или нарыв) не будет расти, не будет опухать и не будет увеличиваться’ (Balys, p. 73, N 482). Такая уверенность в будущем является характерной чертой литовских заговоров. Этим объясняется, по-видимому, и сравнительно небольшое количество форм в условном и сослагательном наклонении.

Цели создания единой, спрессованной, законченной структуры служит также использование причастий, полупричастий и деепричастий. Например, для обозначения совершенного действия: *Kaip šita žalioji varlė skusta, taip šita juoda karvė kūsta; kaip ši žalioji varlė nekusta, taip ši juoda karvė nekūsta*; ‘Как эта зеленая лягушка очищена, так эта черная корова укушена; как эта зеленая лягушка не очищена, так эта черная корова не укушена’ (Balys, p.57, N 386); *Ėjo Panelė Švenčiausia, nešė vaikelį ant rankų: bėgdama užėjo ant akmenelio ir susimušė savo piršteli...* ‘Шла Пресвятая Дева, несла ребенка на руках: бежавши наступила на камешек и ушибла пальчик...’ (Balys, p. 79, N 510); *Ejo kartą Jėzus per ežerą ir turėjo tris rožes; beeidamas dvi pametė, tai pastebėjęs metė ir trečią sakydamas: “pražūk ir tu!”* ‘Шел однажды Иисус через озеро и нес три розы; идя две потерял, это заметив, бросил и третью говоря: “сгинь и ты!”’ (Miškinis, p. 467, N 59). В последнем примере представлена сложная комбинация действий: двум глаголам подчинены три причастия, что создает впечатление симультанности, небольшой продолжительности действия по времени. В то время как последовательное повествование: “шел..., нес..., потерял..., заметил..., бросил..., сказал...”, состоящее из однотипных форм глаголов (как это часто бывает в подобном жанре), значительно растянуло бы действие. Кроме того, использование причастий, изменяющихся по родам и падежам, акцентирует внимание на соответствующих им персонажах, а не на действиях, которые эти персонажи выполняют, например: *Eidamas Jėzus per pievą rado raudoną žydinčią rožę. Panaikink man tą rožę, kaip tą rožę, kuri pievoj nuskinta*. ‘букв.: Идущий через луг Иисус нашел красную цветущую розу. Уничтожь мне ту розу, которая на лугу сорвана’ (LTR 4169 (143)) (ср. “*Иисус шел по лугу, нашел розу, которая цвела. Уничтожь ту розу, которую сорвали на лугу” - внимание переключается на действия). При использовании страдательных причастий прошедшего времени нерелевантной оказывается информация, необходимая для соответствующего глагола, то есть агенс, способ действия, инструмент, время. (Ср. “лягушка не чищена” и “лягушку не чистили...”). Например: *...O jei neišimsite [gyvatės geluonies], tai būsite basliais badžiotos, taukais moztos ir bizūnais kotavotos...* ‘А если не вынете [змеи жала], то будете колами колоты, жиром мазаны и плетью биты’ (LT, p. 896, N 9291); *Prieš mirtį Danielius buvo įmestas į duobę, nes taip norėjo blogi žmonės, kad Danielius būtų sudraskytas...* ‘Перед смертью Даниил был брошен в яму, так как так хотели плохие люди, чтобы Даниил был растерзан’ (Balys, p.60, N 404).

Незначимость этих валентностей глагола выражается в литовских заговорах и в распространенности отглагольных существительных. Например: *...Dziewo leidzimu, mano liepimu, švento Jono patarimu tegul pasiima sopulį dancis, kur mano rankoje, iš to dancio, kur N dėsnoje...* ‘...По приказу Бога, по моему велению, по совету святого Иоанна пусть возьмет боль зуб, который в моей руке, из того зуба, который в десне N’ (Krėvė-Mickevičius, p. 506, X); *Kaip bitelė be kraujo, taip visas sutvėrimas be praliejimo to kraujo*. ‘Как пчелка без крови, так вся тварь без пролития крови’ (Balys, p.80, N 514); *Marija vaikščioja po žalių laukų ir rinkia žalius kvietkus nuo kraujo bėgimo, dėl ronų gijimą* ‘Мария ходит по зеленому полю и собирает зеленые цветы от кровотечения, для заживления ран’ (LTR 3205 (194)). При использовании отглагольных существительных действие, выраженное ими, становится атрибутом персонажа, его инструментом, полностью ему подчинено, как грамматически, так и семантически. Действие спрессовывается во времени, становится абсолютной данностью и собственностью лица, от которого исходит.

Подобная абсолютизация касается также признаков и качеств, что выражается с помощью существительных, образованных от прилагательных. Например: *Mieži, mieži, eik, iš kur atėjęs! Tau dailumas, man švarumas!* 'Ячень, ячень, иди, откуда пришел! Тебе красота, мне чистота!' (LTR 4511 (362)); *Dangaus gerybė, žemės blogybė. Paim' iš dangaus gerybę, duo' žemės blogybė velnian.* 'Добро неба, зло земли. Возьми с неба добро, дай зло земли черту' (Cicenas, p. 28, N 385); *Nuo Dievo piktybė, nuo žmonių biaurybė, atskak, atskak, atskak.(= atstok)* 'От Бога злоба, от людей мерзость, отстань, отстань, отстань' (LTR 3641 (518)). В подобных случаях признак, в противоположность глаголу при субстантивации, получает автономность, независимость от существительного, что облегчает манипуляции с ним. Как видно из приведенных примеров, для достижения результата можно обойтись и без посредства глагола, достаточно назвать этот признак и указать желаемого владельца (см. первый пример).

Подобный эффект сворачивания действия можно наблюдать и на уровне словообразования - в использующихся в заговорных текстах глагольных префиксах - это прежде всего *už-, su-, nu-, iš-, pa-, at-*, как правило, имеющие значение законченного действия, отдаления, изъятия. Причем многие приставочные глаголы образованы искусственно - в литературном языке их не существует, что еще больше подчеркивает значение приставок в рассматриваемых текстах.

Еще один продуктивный суффикс, используемый для образования инноваций - *-yb-*. С помощью этого суффикса происходит превращение признака, выраженного прилагательным, в абстрактное существительное. Наряду с существующими образованиями от прилагательных: *piktybė* 'зло', *blogybė* 'зло', *bjaurybė* 'мерзость', *gerybė* 'добро', *galybė* 'могущество, мощь', *šviesybė* 'свет, светлость', *neramybė* 'беспокойство', *aukštybė* 'высота', в заговорах появляются по аналогии *žemybė* 'низость' (лит. *žemumas*) или '*земляность', *dangybė* '*небесность', *baltybė* 'белизна' (лит. *baltumas*), *margybė* 'пестрота' (лит. *margumas*). Вероятно, причина выбора именно этого суффикса заключается не только в образовании по аналогии, но и в том, что суффикс *-yb-* имеет значение более абстрактное, чем существующий для обозначения этих слов в литературном языке *-um-*. Абстрактность необходима для создания автономности, самостоятельности данного признака, как уже отмечалось выше. Для достижения обратных целей используется как раз суффикс *-um-*: *Kaule, kaule, gyvas kaule! Ataduo mana gražumų, pasim sava laužimų.* 'Кость, кость, живая кость! Отдай мою красоту, забери свою ломоту' (TD, p. 181, N 460). В этом примере подчеркивается принадлежность этого признака заговаривающему - *gražumas* не может существовать автономно в отличие от *gražybė*, обозначающего абсолютное понятие красоты.

Результатом стремления к симультанности и спрессованности являются еще и гибридные слова - номинации, образованные от двух прилагательных или прилагательного+существительное, например: *ilgauodegė* '*длиннохвостка', *šaltuodegė* '*холоднохвостка', *geležinuodegė* '*железнохвостка', *raudonamargė* '*краснопеструха', *žalamargė* '*буропеструха' (обращения к змее), а также прилагательное, обозначающее признак крови - *ugniavystas*, сложенное из двух слов: *ugnis* 'огонь' и *vysta* 'размножается, разводится'.

Итак, мы видим, что целью заговора является приведение в порядок объектов мироздания через создание законченной спрессованной структуры, похожей на

сжатую в комок пружину, готовую к удару, и произведение самого этого удара (с помощью направленного действия. И, наконец, завершающим этапом заговорного действия является возвращение в исходную точку в другом качестве: то есть нанесенный удар должен принести результат и восстановить равновесие в системе. И в структуре текста проявляется цикличность устройства, всеобщая связанность объектов, ассоциативность.

Ассоциативность, являющаяся принципиальной особенностью человеческого мышления вообще, проявляется в текстах заговоров на всех уровнях, будь то связи по противоположным, схожим или смежным признакам. Например: связь по признаку противоположности:

Žemės žemybe, Dangaus dangybe, Gyvatės piktybe, Ataduok mūsų gėrybę, Imk savo piktybę ‘*Земляность земли, *небесность неба, злоба змеи, отдай нашу доброту, возьми свою злобу’ (LTR 3863 (131));

по синонимичному признаку:

Ēda mane kartelis, kai vilkas avī, kai katē peļē, kai šuva mēsų. ‘Ест меня изжога, как волк овцу, как кошка мышшь, как собака мясо’ (Balys, p. 69, N 445);

по признаку смежности:

Dievo sūnus klētī kirto aukso gegnē statydamas. Aš uždėsiu vario vartus, kad ten lašai netekėtų. Amen ‘Божий сын амбар вырубал золотые стропила строя. Я поставлю медные ворота, чтобы там капли не текли. Аминь’ (Balys, p.80, N 518); *Ugniavystas kraujas, paparčio žiedas. Aprimo upė. Tegul šitas kraujas nustos tekėt.* ‘Развивающаяся огнем кровь, цветок папоротника. Успокоилась река. Пусть эта кровь перестанет течь’ (Mansikka, p. 69, N 22);

по звуковому сходству:

Čiužu čiužute, šlamu šlamute: kam pasmaugei mano dukterį ir padėjai po akmeniu kaip sūrį?... ‘*Шелесте-шелестелка, *шурша-шуршалка: зачем задушила мою дочь и положила под камень как сыр?...’ (LT, p. 896, N 9289); *Tu Grižus, aš križius, tu bėgsi, aš kęsiu, kai kęsiu, nukęsiu. Amt, amt, amt* ‘Ты Грижус, я крест (крижюс), ты будешь бежать, я буду кусать, как укушу, откушу. Ам, ам, ам.’ (Mansikka, p. 95, N 132).

Такая ассоциативная взаимосвязанность объектов, где достаточно одного признака, чтобы связать далекие друг от друга объекты, не может не приводить к алогизму и абсурдности. Начиная от странностей в развитии сюжета до особенностей расположения объектов в пространстве. Например: *Ak aš esmu ne marios, ne mariose stoviu, stoviu upėj, unt tos upės stalas, unt to stalo balta skotertis, unt tos baltos skoterties trys tarelkos stovi, unt tų trijų tarelkų trys peiliai su bulavom stovi, už to stalo sėdi Ponas Jėzusis Kristus. NN (Jonukas) nežinomas jima peilį su bulavu, pjauna macicų, unt šitos minutes pribuvo Panelė Švinčiausia su šilkinio siūlu; siūlas trukite, macica paskavokite po šitam česui, po šitai minutei, žaria rytinė ir vakarinė* ‘Я не на море, не на море стою, стою на реке, на той реке стол, на том столе белая скатерть, на той белой скатерти три тарелки стоят, на тех трех тарелках три ножа с булавами стоят, за тем столом сидит Господь Иисус Христос. NN неизвестный берет нож с булавой, режет матицу, в эту минуту прибыла Пресвятая Дева с шелковой ниткой; нитка порвись, матица, на место становись в этот час, в эту минуту, заря утренняя и вечерняя’ (Mansikka, p.99, N 160); *Sėdžiu ant baltų marių, siuvu baltą karūną, kad šitoji rona taip pabaltų, kaip toji karūna* ‘Сижу на белом море, шью белую корону, чтобы эта рана так побелела, как та корона’ (Balys, p.79, N 512); *Žema žemynela, un pirkelės upelė, un tos upeles aniolas*

švintasai. Amen, Amen, Amen 'Земля земляца, на избе речка, на той речке ангел святой. Аминь, Аминь, Аминь' (Stukenaitė-Decikienė, p. 124, N4). Необычны также свойства и действия предметов и персонажей: кровь расцветает огнем, камень затаил дыхание, у солнца есть молоко, у воды - ноги. Например: *Saulės pienas, akmenio kraujas, saulės aptemimas, kraujo nustojimas* 'Молоко солнца, кровь камня, затмение солнца, остановка крови' (Mansikka, p. 69, N 21).

Таким образом мы приходим к тому, что описываемый в заговорах мир является в какой-то степени антиподом миру реальному, в той форме логических связей, в которой мы его воспринимаем. Этот мир отражает скорее неосознанные, нелогические процессы, происходящие в нашем подсознании, вероятно, этим объясняется и сходство некоторых структур с механизмами ассоциаций - ведь ассоциации отражают скрытые, неосознаваемые процессы мышления. Вероятно, ввиду этого описываемый в заговорах воспринимается нами как мир наоборот, антимир. Недаром в заговорах используется большое количество структур с отрицанием, будь то отрицание предиката, свойства, атрибута или актанта, например: *Paukštis be pieno, akmuo be sparnų, vanduo be kraujo*. 'Птица без молока, камень без крыльев, вода без крови' (Mansikka, p. 81, N 75); *Ne aš plaku, prakeiktas garas plaka, per amžią amžius. Amen*. 'Не я секу, проклятый дух сечет, во веки веков. Аминь' (LTR 5561(79)); *Ne labas rytas, ne labas vakaras*. 'Не доброе утро, не добрый вечер' (Balys, p. 65, N 432). Этот же прием осуществляется в заговорах, "закодированных" переставлением слогов, например: *Te, va, gi, da, jo, da, ru, du, var, nia, vel, skie, ku, nie, na, ma, Jonas [= Gyvate, juoda, ruda! vardu velnio - nekąskit mano Jono!]* '= Змея, черная, коричневая! именем черта - не кусайте моего Йонаса!' (Mansikka, p. 77, N 58); *Eik, ši, sis, ta, keik, pra, šliū, žas, iš, gaus, žmo, nes, jau, šei, ter, su, ji, tar, da, ni, ve, gy, ne, ja, rei, da, pa, les, de, di, nas, ra, šv., ja, ri, Ma, ir, si, vi, ji, tie, šven, kit, dē, pa, te, lē, ga, per, sios, to, pi, sios, dva, bus, dar. [= Išeik, prakeiktasis šliužas, iš žmogaus, nes jau suteršei jį, dabar gyveni jame, padarei dideles ronas. Šv. Marija, visi švėtieji, padėkit pergalėti piktosios dvasios darbus]* '= Выйди, проклятый слизень, из человека, потому что ты загадил его, теперь живешь в нем, сделал большие раны. Св. Мария, все святые, помогите преодолеть дела злого духа' (Mansikka, p. 76, N 53). Интересно, что в первом приведенном заговоре единственным неперевернутым словом является имя больного - *Jonas*, а во втором - слизень (*šliužas*). Именно эти слова являются каждый в своем тексте фокусом, вокруг которого собирается вся информация, возможно, поэтому он должен быть назван без искажений, - это та часть реального мира, которая должна быть четко эксплицирована. Подобным образом закодированный текст напоминает заклинания типа абракадабры, и потому может считаться сильным оружием (непонятное всегда вызывает страх).

Возможно, не все используемые в литовских заговорах приемы нашли отражение в этих заметках, интересно было бы детальнее их исследовать и сравнить с другими традициями. Какие-то принципы организации заговорного текста, традиционные для славянских традиций, например, в литовских заговорах не используются, какие-то, наоборот, присущи именно литовским, но не встречаются в славянских или других, а некоторые, возможно, являются универсальными. Литовские данные в этой связи представляются ценными в силу предполагаемой архаичности литовского фольклора, то есть то, что в славянских традициях трансформировалось, возможно, попав под влияние христианства, или по каким-

либо другим причинам, в литовском фольклоре остается в достаточной степени неизменным. И это касается прежде всего структуры текста - краткость формы, заклинательный характер заговоров и особая роль имени в грамматических конструкциях, скорее всего, служат доказательством их архаичного происхождения.

Список сокращений

- Леви-Строс - *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. Москва, 1994
Михайлова - *Михайлова Т. А.* К "грамматике" заговора (о словесной магии в древнеирландской поэтической традиции) // Вопросы языкознания, № 2, 1997
МНМ - Мифы народов мира. Энциклопедия. Москва, 1997
Balys - *Balys J.* Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951
Cicėnas - *Cicėnas J.* Vilniaus tautosaka. Daugėliškiniai burtai, Vilnius, 1934
Elisonas Gyvatė - *Elisonas J.* Pantinė gyvatė (Vipera berus) // Kosmos, 1930, N 6
Elisonas. Ropliai - *Elisonas J.* Mūsų krašto ropliai lietuvių folkloro šviesoje // Mūsų tautosaka. Kaunas, III t., 1931
Krėvė-Mickevičius - *Krėvė-Mickevičius V.* Kerai. // Tauta ir žodis, IV, 1926
LKAG - Liaudies kūrybos archyvo garsoįrašai (Lietuvos liaudies kultūros centras)
LT - Lietuvių tautosaka. V t., (Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai), Vilnius, 1968
LTR - Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas)
Mansikka - *Mansikka V.* Litauische Zauberspruche. Helsinki, 1929
Miškinis - *Miškinis J.* Trys šimtai dzūkų burtų ir prietarų // Tauta ir žodis, IV, Kaunas, 1926
Stukenaitė-Decikienė - *Stukenaitė-Decikienė Pr.* Užkalbėjimai Švenčionių apskrity. // Gimtasai kraštas, 1941 - VIII m. 1-2(28-29nr.)
TD - Vilniaus krašto lietuvių tautosaka // Tautosakos darbai, t.IV, Kaunas, 1938 m.

Reflections on the Distinctive Structure of Oral World Images in the Structural Organization of Discourse (Based on Lithuanian Invocations)

Marija Zavjalova

Invocations have much in common with the distinctiveness of primeval magic and human thought, particularly as concerns the desire to restore the world as integral and conclusive in form. Repetition, both at the level of groups of sentences as well as in the framework of individual syntagms or words, serves this above-mentioned tendency. Quantitatively speaking, an even number of repetitions of roots such as “grom grmi” as well as of diminutive or augmentative suffixes, describes a static reality, while an odd number of repetitions refers to a dynamic passing to the next level corroborated by a prompt omission of the verb. Phonetic repetition may also occur forwards and backwards in terms of anagrams and word play. As far as the employment of word order is concerned, the static state of the noun is similar to the present tense of performative verbs. In the case of verb forms, one observes a distinctive domination of the imperative and future tenses over the conditional tense. The varied use of participles, gerunds, and verbal nouns serves to maintain of a unified and definitive structure. Compared to Slavic invocations, Lithuanian interviews are less burdened by more recent transmutations.